

Димитрис Килакос

Деятельность, практика и научное познание: оценивая заново советскую марксистскую критику прагматизма

Одной из особенностей прагматизма является, как известно, трактовка познания, свободная от апелляции к корреспондентной теории истины и постулирования независимой (от человека) реальности. Все прагматисты, к каким бы воззрениям по частным вопросам они ни склонялись, придерживаются операциональной концепции познания. Согласно этой концепции, достаточным основанием знания является его применимость на практике. Данный аспект неоднократно затрагивался в ходе дискуссий о сходствах и различиях марксизма и прагматизма.

Несмотря на существенное расхождение между прагматизмом и марксизмом в понимании природы знания, многие исследователи пытались провести параллели между этими двумя интеллектуальными традициями. В частности, Бертран Рассел указывал на близость философии Дьюи «доктрине другого экс-гегельянца, Карла Маркса, как она была сформулирована в его “Тезисах о Фейербахе”». По мнению Рассела, если не придавать слишком большого значения терминологическим нюансам, Марксова теория деятельности, или *праксиса*, в главных моментах «едва отличима от инструментализма». Этот взгляд получил распространение даже среди прагматистов, а также американских марксистов (точнее, троцкистов), которые в конце 40-х годов прошлого века трактовали прагматизм Дьюи как прямое продолжение и развитие марксизма. Дж. Новак, к примеру, утверждал, что «самым выдающимся современным мыслителем, впитавшим в себя все лучшее, что было у Маркса, является Дьюи». В. Ленина — как практика, а не теоретика — Новак считал, в свою очередь, «скрытым последователем» Дьюи. Согласно бывшему марксисту С. Хуку, прагматизм — это философия «экспериментального натурализма», т. е. теория, «развивающая наиболее здравые и продуктивные идеи Маркса о мире».

В статье (с опорой главным образом на аргументацию советских марксистов) критически пересматривается философский диалог между марксизмом и прагматизмом. Основное внимание уделяется понятию деятельности, или *праксиса*, а также взаимосвязи субъекта и объекта в познании.

Ключевые слова: прагматизм, советский марксизм, практика, субъективный идеализм, опыт, реальность, диалектика субъекта и объекта, познание.

It is well-known that pragmatism advocates an approach on cognition without appealing to man-independent reality and truth as correspondence with reality. Instead, pragmatists, notwithstanding the diversity of their particular views, hold an operational conception of knowledge, according to which all that is needed is knowledge to have a suitable kind of correspondence with practice. This point has been scrutinized in the long standing discussion about the convergences and deviations between Marxism and pragmatism.

The profound divergence between Marxism and pragmatism with regard to the aforementioned issues was not enough to prevent philosophers from attempting to trace affinities between these two distinct intellectual trends. For example, Bertrand Russell pointed out the “close similarity” of Dewey’s doctrine to “that of another ex-Hegelian, Karl Marx, as it is delineated in his *Theses on Feuerbach*.” Russell thinks that Marx’s concept of activity or praxis is in spite of differences in terminology “essentially indistinguishable from instrumentalism.” This line of reasoning seems to be quite influential, even among pragmatists. Notably, some American Marxists (especially Trotskyists, to be exact) at the late 40’s overemphasized the affinity between Dewey’s pragmatism and Marxism, and even understood Dewey’s pragmatism as a continuation of Marxism. For example, G. Novack comments that “[t]he most outstanding figure in the world today in whom the best elements of Marx’s thought are present is John Dewey,” and presents Lenin as “an unavowed disciple of Dewey in practice.” According to S. Hook, a former Marxist who turned to pragmatism and became one of the most influential philosophers who discussed the relation between Marxism and pragmatism, the latter is “the philosophy of experimental naturalism” which can be regarded “as a continuation of what is soundest and most fruitful in Marx’s philosophical outlook upon the world.”

In this paper, I intend to critically reassess this philosophical dialogue between Marxism and pragmatism, by further deploying the argumentation provided mainly by Soviet Marxists with regard to the aforementioned issues, focusing especially on two of them: the concept of activity (or praxis) and the interrelation of subject and object in cognition.

Keywords: pragmatism, Soviet Marxism, practice, subjective idealism, experience, reality, the subject-object dialectics, cognition.

Введение

Хорошо известно, что прагматизм отстаивает такой подход к познанию, который обходится без апелляции к независимой от мышления реальности и к истине как соответствию этой реальности. Философы-прагматисты, невзирая на разнообразие их частных воззрений, придерживаются операциональной концепции знания, согласно которой все, что требуется, — это надлежащее соответствие между знанием и практикой.

Глубокое расхождение между марксизмом и прагматизмом в выше-названных вопросах не удержало философов от попыток проследить черты сходства между этими двумя различными интеллектуальными направлениями. Например, Бертран Рассел указывал на «близкое подобие» учения Дьюи доктрине «еще одного экс-гегельянца, Карла Маркса, как она сформулирована в его “Тезисах о Фейербахе”» [Russell, 1951: 143]. По мнению Рассела, марксистское понимание деятельности, или *праксиса*, по существу «едва отличимо от инструментализма». Примечательно, что некоторые американские марксисты (в первую очередь, троцкисты) в конце 40-х годов прошлого века тоже чрезмерно акцентировали сходство между прагматизмом и марксизмом и даже интерпретировали прагматизм Дьюи как продолжение марксизма.

В этой статье я намерен подвергнуть критической переоценке линию рассуждения, которой придерживались, прежде всего, советские философы-марксисты, касавшиеся в своих исследованиях вышеозначенной проблематики. Я сосредоточусь на советском марксизме, так как считаю важным проследить, каким образом релевантная аргументация разворачивалась в контексте наиболее характерной попытки организованного развития марксизма. С этой целью я предлагаю обзор репрезентативной — хотя никоим образом не исчерпывающей — части советской марксистской философской литературы, в которой рассматриваются вопросы, связанные со взаимоотношением двух интеллектуальных традиций.

Базовая аргументация советских марксистов против прагматизма вырастает из относящихся к этой теме комментариев В.И. Ленина в книге «Материализм и эмпириокритицизм», оказавшей громадное влияние на развитие советской философии. «Прагматизм, — пишет Ленин, — высмеивает метафизику и материализма, и идеализма, превозносит опыт и только опыт, признает единственным критерием только практику, ссылается на позитивистское течение вообще, *опирается специально на Оствальда, Маха, Пирсона, Пуанкаре, Дюгема*, на то, что наука не есть “абсолютная копия реальности”, и... благополучно выводит из всего этого бога в целях практических, только для практики, без всякой метафизики, без всякого выхода за пределы опыта» [Ленин, 1968: 363].

Далее Ленин замечает, что «различия между махизмом и прагматизмом так же ничтожны и десятистепенны с точки зрения материализма, как различия между эмпириокритицизмом и эмпириомонизмом» [Там же]. В подкрепление этого тезиса он предлагает сравнить сформулированное Джеймсом определение истины, которое отражает квинтэссенцию прагматизма, с определением истины у А. Богданова. Согласно Джеймсу, «истина, с точки зрения прагматиста, есть родовое понятие для всех видов определенных рабочих ценностей

в опыте» [James, 1907: 68], тогда как, согласно Богданову, истина есть «организующая форма человеческого опыта» [Богданов, 1906: IV].

Такая линия рассуждения применительно к прагматизму стала стандартной позицией советской марксистской философии. Например, К. Бакрадзе критикует одновременно прагматизм и логический эмпиризм как проявления субъективного идеализма [Bakradze, 1955]. Советские марксисты подчеркивали близость прагматизма к позитивизму. В чистом виде эта точка зрения представлена в статье Ярошевского «Против позитивизма и прагматизма», опубликованной в журнале «Большевик» — официальном теоретическом журнале КПСС [Ярошевский, 1951].

В целях систематичности я сначала покажу, какое место отводили советские марксисты прагматизму в контексте интеллектуальной истории и в чем они усматривали его общественно-политические корни. Затем я предполагаю обсудить марксистскую критику некоторых базовых предпосылок прагматистского учения. Наконец, я кратко рассмотрю, как советские марксисты развивали некоторые вопросы, особенно важные для прагматизма, сосредоточившись прежде всего на понятии практики и на взаимодействии субъекта и объекта в познании.

Советская философия о зарождении и становлении прагматизма в его социокультурном контексте

Собрание сочинений Ленина, составленное и подготовленное к печати Институтом марксизма-ленинизма в Москве, издавалось согласно решению IX съезда РКП(б) и II Всесоюзного съезда Советов СССР. В сносках тома 18 Полного собрания сочинений, где был опубликован «Материализм и эмпириокритицизм», и особенно в сноске 120 на с. 421–422, мы находим вполне репрезентативную версию взглядов советских марксистов на прагматизм. Сноска гласит: «Как и махисты, прагматисты претендуют на создание “третьей линии” в философии, пытаются стать выше материализма и идеализма, отстаивая на деле одну из разновидностей идеализма» [Ленин, 1968: 422]. Фактически прагматизм понимается как «субъективно-идеалистическое направление буржуазной (главным образом американской) философии эпохи империализма» [Ленин, 1968: 421].

Придерживаясь этой линии интерпретации, Л. Ляховецкий и В. Тюхтин в «Философской энциклопедии» отмечают: «В современной буржуазной философии есть тенденция преодолеть две основные партии в философии и конституировать третью линию, то признающую философию нейтральной, то пытающуюся устранить основной вопрос философии (О. в. ф.), квалифицируя его как “псевдопробле-

му” (Рассел, Шлик, Витгенштейн, Карнап). В какой-то степени это характерно не только для неопозитивизма, но и для экзистенциализма, прагматизма, неотомизма. Но такой подход к проблеме не учитывает, что О. в. ф. — это вопрос-дилемма, ответ на который (прямо или косвенно) содержится в любой философской системе. При этом проблематика философии коренится отнюдь не в самом О. в. ф. или его другой стороне, а именно в решениях этого вопроса. Не сами дилеммы, а лишь вопросы, поставленные после решения этих дилемм, могут содержать как подлинно научные проблемы, так и псевдопроблемы. Поэтому третья линия является не устранением, а завуалированным идеалистическим решением О. в. ф. партией середины, “...шатанием между материализмом и идеализмом” (см. В.И. Ленин, Соч., т. 14, с. 54, см. также с. 323, 325)» [Ляховецкий, Тюхтин, 1967: 172].

Итак, в прагматизме видят неудачную попытку встать выше основного вопроса философии, который, согласно известному утверждению марксизма, касается отношения между сознанием и материей. Опираясь на решения, предлагавшиеся как для онтологического (первенство материи или сознания), так и для гносеологического (познаваемость мира и степень ее) аспектов основного вопроса, марксистские философы классифицируют любые направления мысли и доказывают радикальное новаторство марксизма: диалектически «возводя» онтологию к гносеологии, он производит революцию в философии.

«Основной вопрос» служит также методологическим основанием для введения партийного принципа в философию и отвержения каких-либо притязаний на философский нейтралитет: с точки зрения советских марксистов, то или иное учение должно либо находиться в согласии с общими законами развития материального (природного и социального) мира и законами познания мира, либо не соответствовать им.

Для марксизма-ленинизма адекватное отражение этих общих законов в человеческом сознании и строгое следование им в сознательной (социальной) практике — необходимое предварительное условие, позволяющее революционному классу рабочих выполнить его историческую миссию ниспровержения капитализма и построения нового коммунистического общества. Исходя из этого, на советских марксистов возлагалась политически значимая обязанность развивать марксистскую философию и одновременно бороться с философией буржуазной. Следует иметь в виду данное обстоятельство, пытаясь заново оценить советскую марксистскую философию сообразно ее собственным критериям.

Что касается прагматизма, все сказанное отразилось в попытках советских философов акцентировать близость этого направления философии к другим идеалистическим течениям и доктринам, а так-

же очертить социально-политический контекст, внутри которого развивались прагматистские учения.

Стоит заметить, что советские марксистские философы прослеживали сходство прагматизма даже с некоторыми в корне отличными от него философскими направлениями, объединенными под вывеской субъективного идеализма¹. Например, А. Спиркин утверждает, что «среди пестрого многообразия течений современной буржуазной философии... господствующим является субъективно-идеалистическое направление, представленное неопозитивизмом, прагматизмом и экзистенциализмом» [Спиркин, 1960: 492]. Ту же точку зрения выражает Э. Ильенков, упоминая прагматизм и инструментализм как субъективно-идеалистические учения [Ильенков, 1982: 65]. В «Философском энциклопедическом словаре» прагматизм тоже описывается как «субъективно-идеалистическая философская теория» [Мельвиль, 1983: 521].

Хотя современному читателю такое объединение может показаться очень грубым, нужно заметить, что оно методологически привлекательно, так как дает возможность оценить доводы *за* и *против* нескольких учений согласно одним и тем же критериям, не позволяя деталям замутнить широкую перспективу.

Например, издатели Полного собрания сочинений Ленина утверждают, что прагматисты опирались «на субъективно-идеалистическую традицию английской философии от Беркли и Юма до Джона Стюарта Милля» и использовали «отдельные стороны учений Канта, Маха, Авенариуса, Ницше и Анри Бергсона» [Ленин, 1968: 422]. И. Нарский усматривает своего рода разделение труда между западными неопозитивистами и философами-иррационалистами. Ко второй группе относятся сторонники прагматизма, экзистенциализма и томизма. Согласно Нарскому, их объединяет то, что вопросы о сущности сознания и бытия они относят к области иррационального [Нарский, 1961: 3–4]. Похожую позицию отстаивал Лингарт, утверждавший, исходя из перспективы диалектического материализма, что прагматизм представляет собой эклектическое смешение элементов позитивизма, эмпиризма и других направлений (например, неодарвинизма, мальтузианства и т. д.) [Лингарт, 1954: 38–75].

С точки зрения советских марксистов, такое сходство объяснимо, если принять во внимание общественно-политические корни прагматизма.

---

¹ Частичное исключение — И. Фролов, который хотя и характеризовал прагматизм как «широко распространенное субъективно-идеалистическое течение в современной буржуазной философии» [Фролов, 1980: 291], но также упоминал, что «в противоречии с субъективно-идеалистической гносеологией», Пирс («основатель прагматизма») «разрабатывал объективно-идеалистическую теорию развития» [Там же: 281].

Необходимо учитывать, что, согласно марксизму, философия есть форма общественного сознания. Прослеживание политических и социальных истоков любого направления мысли становится философски важным вопросом. В данном случае задача советских марксистов заключалась том, чтобы объяснить, почему прагматизм сделался столь популярным в капиталистических странах, и особенно в США.

Исходя из этой перспективы, я не могу согласиться с Т. Блэкли, который с пренебрежением отзывается о попытках связать прагматизм «с интересами загнивающего капитализма» [Blakeley, 1964: 128], как если бы они — эти попытки — не представляли никакого философского интереса. Одно дело — доказывать, что некоторые тенденциозные комментарии (вроде замечания М. Митина о «расистском характере» прагматизма [Митин, 1949: 72]) теоретически несостоятельны, и совсем другое дело — утверждать, что исследование социальной природы и политического значения прагматизма философски irrelevantно. Иными словами, я считаю, что любая позиция по данному вопросу должна оцениваться объективно-критически.

По мнению научных редакторов собрания сочинений Ленина, прагматизм возник «как отражение специфических черт развития американского капитализма, сменив господствовавшую религиозную философию» [Ленин, 1968: 421]. Схожей точки зрения придерживаются авторы «Краткого философского словаря» (1954): они рассматривают прагматизм как «реакционное» течение мысли, «американский вариант идеалистической философии эпохи империализма» [Розенталь, Юдин, 1954: 474].

Советские марксисты утверждали, что если обратиться к культурной жизни и философским традициям США, нетрудно будет выявить внутрикультурные факторы, благодаря которым прагматизм сделался столь влиятельным. Я. Боднар, например, отмечает, что многие характерные черты современного прагматизма можно объяснить тем фактом, что философия в США всегда склонялась к религиозной ориентации, была иррационалистической, волюнтаристской и антиинтеллектуалистической [Боднар, 1959: 65–66]¹. Согласно Ю. Мельвилю, нужно учитывать, что традиционно среди американцев «интерес к отвлеченному теоретическому мышлению всегда был невелик»,

---

¹ «Религиозная тенденция... составляет характерную черту современной американской идеалистической философии. Она проявляется... в *иррациональных* и *волюнтаристических* чертах, которые в разных вариантах, в разном толковании (например, философия действия — прагматизм) проявляются в гносеологических основах подавляющего большинства новейших направлений американской идеалистической философии. С религиозной тенденцией тесно связана другая тенденция, которую можно назвать *антиинтеллектуалистической*...» [Боднар, 1959: 66]. — Прим. ред.

и «лишь практически направленная теория могла рассчитывать на то, чтобы ею вообще стали заниматься» [Мельвиль, 1960: 742]. Следуя той же линии рассуждения, Фролов утверждает, что прагматизм «отражает узкий практицизм американских буржуа», определяя ценность знания его практической полезностью, в которой видят «не подтверждение объективной истины критерием практики, а то, что удовлетворяет субъективные интересы индивида» [Фролов, 1980: 291].

Можно соглашаться или не соглашаться с этими выводами, но факт заключается в том, что советские марксисты пытались понять, каким образом исторические и социально-культурные условия возникновения прагматизма отразились в его базовых философских положениях. Я буду обсуждать это в следующем разделе. Такие попытки надлежит оценивать по их собственным философским заслугам, без какой-либо теоретической или идеологической предвзятости, которую, к сожалению, демонстрируют Блэкли и другие западные исследователи¹.

Критика советскими марксистами базовых предпосылок прагматистских учений

Как уже было показано, советские марксисты усматривают корни близости прагматизма к другим идеалистическим философским течениям в их общем «отказе от признания объективных законов мира и замене этих законов “переживаниями”, ощущениями самих людей, выдаваемыми за единственную реальность» [Розенталь, Юдин, 1954: 474].

Согласно тем же авторам, «прагматизм отождествляет реальность с совокупностью субъективного опыта». На этом основании вместо того, чтобы исследовать вопрос об истине в терминах соответствия содержания знания внешней реальности, прагматизм девальвирует понятие истины через «отождествление истинного с практически полезным, выгодным». По мнению советских мыслителей, так обнаруживает себя общественно-политическая природа философии прагматизма. «Отождествление истины с полезностью, — утверждают они, — делает эту теорию орудием полного произвола и любых фальсификаций... “Истина” при таком понимании превращается в средство... борьбы против передовых научных и общественных идей» [Розенталь, Юдин, 1954: 474–475].

¹ Типичный пример — исследование Ф. Вайнера [Weiner, 1967]. Пытаясь использовать философские аргументы против критики Мельвилем прагматистского учения Пирса [Melvil, 1966], Вайнер терпит неудачу в философской аргументации против диалектического материализма, в приверженности которому он усматривает причину всех недостатков в рассуждениях Мельвиля.

Именно прагматистское понятие истины, если судить по ряду советских учебников философии, было главным объектом марксистской критики. В одном из таких пособий, к примеру, можно прочитать, что прагматизм ложен, поскольку «отвергает объективную истину» [Корнин, 1958: 336]. Подобное понимание характерно для всех — за редкими исключениями — советских исследований эпистемологии прагматизма¹.

Ниже я сосредоточусь на рассмотрении трех источников, которые, пожалуй, лучше других представляют типичный способ рассуждения советских марксистов в различные периоды. Я имею в виду научные комментарии к собранию сочинений Ленина, отражающие советское понимание ленинской линии аргументации, «Краткий очерк истории философии», изданный в 1960 г. Институтом философии Академии наук СССР, представляющий доминирующую версию марксизма конца 1950-х гг., и «Философский словарь» 1980 г. под редакцией Фролова, одного из самых именитых марксистских философов того времени.

Научные редакторы и комментаторы Полного собрания сочинений Ленина подчеркивают, что прагматисты «совершенно извращают понятие истины». По их мнению, «критерием “истинности” (полезности) знания прагматисты считают опыт, понимаемый не как общественная практика человека, а как непрерывный поток индивидуальных переживаний, субъективных явлений сознания». Этот опыт они «рассматривают как единственную реальность, объявляя понятия материи и духа “устаревшими”» [Ленин, 1968: 422].

Здесь же дается краткое описание следствий, которые, с точки зрения советских марксистов, влечет за собой принятие прагматистской концепции знания: «...во вселенной нет никакой внутренней связи, никакой закономерности; она подобна мозаичной картине, которую каждый человек составляет по-своему, из своих индивидуальных переживаний. Поэтому, исходя из потребностей данного момента, прагматизм считает возможным одному и тому же факту давать различные, даже противоречивые объяснения; какая-либо последовательность объявляется ненужной: если человеку выгодно, он может быть детерминистом или индетерминистом, может признавать или отрицать существование бога и т. п.» [Там же].

В «Кратком очерке истории философии» под редакцией М. Иовчука, Т. Ойзермана и И. Щипанова содержится острая и подробная критика основных положений прагматизма. Согласно Мельвилю, суть прагматистского учения можно выразить следующим образом: «человек должен действовать в иррациональном и непознаваемом мире, по-

---

¹ См., напр.: [Курсанов, 1958].

пытки достигнуть объективной истины бессмысленны», поэтому к научным теориям, социальным идеям и этическим максимам следует подходить «инструментально», то есть «с точки зрения их выгоды и удобства для достижения наших целей» [Мельвиль, 1960: 742].

Прагматистская теория, рассуждает далее Мельвиль, «использует тот факт, что истинное знание приносит пользу людям и что практическая проверка в конечном счете остается единственным надежным критерием истинности». Однако порочность этой теории состоит «во-первых, в неправомерном выводе о том, что если истина полезна, то полезность и есть все содержание истины; во-вторых, в том, что прагматисты отрывают знание от успешного действия». Фактически, они уклоняются от вопроса, который имеет решающее значение: «почему данная идея могла оказаться полезной?» [Мельвиль, 1960: 745].

Очевидно, подобная линия рассуждения была принята советскими философами-марксистами в целом. Американский прагматизм, отмечает, в частности, И. Фролов, определяет ценность знания его практической полезностью, под которой он «понимает не подтверждение объективной истины критерием практики, а то, что удовлетворяет субъективные интересы индивида» [Фролов, 1980: 291]. Труды Ч.С. Пирса Фролов считает образцовым примером такого понимания, ведь Пирс прямо заявлял, что «значение идеи состоит в ее практических последствиях», которые «отождествляются с ощущениями» [Там же: 281]. Поскольку понятие объективной реальности заменяется здесь понятием опыта, «разделение субъекта и объекта познания, — замечает Фролов, — производится только внутри опыта» [Там же].

В прагматизме Пирса, указывает Мельвиль [1960], смешиваются «гносеологический, психологический и биологический аспекты деятельности сознания». Далее он изображает Пирса агностицистом, отказывающимся признавать «объективное существование предмета познания», полагающим, что «все содержание наших идей и понятий исчерпывается теми практическими последствиями, которые мы можем от них ожидать». Именно в этом, согласно Мельвилю, заключается субъективно-идеалистическая сущность учения Пирса.

В своей критике воззрений Джеймса Мельвиль прослеживает движение пирсовского агностицизма к фидеизму (имея в виду прагматический способ оправдания веры, предложенный Джеймсом). Мельвиль подчеркивает, что действительность представлялась Джеймсу как хаос несвязных событий, как «плюралистическая вселенная», в которой нет ни необходимости, ни причинной связи, в которой безраздельно властвует случай. В таком мире не может быть никакого объективного знания; все, что мы знаем о мире, «заключено в пределах “опыта”,

понимаемого как “поток сознания”». Стало быть, Джеймс, согласно Мельвилю, повторяет ошибку махистов, пытавшихся замаскировать существенное различие между материализмом и идеализмом обращением к «опыту». Подобно махистам, Джеймс тоже вынужден был в конечном итоге присоединиться к лагерю идеалистов. Таким образом, радикальный эмпиризм критикуется советским философом как выражение субъективного идеализма и волюнтаризма, и особо подчеркивается, что теория Джеймса может служить оправданием религиозных верований. В заключение Мельвиль перечисляет «серьезные недостатки» философии Джеймса: это «крайний субъективизм, слишком явный индивидуализм и откровенный антидемократизм и аморализм в области этики и социологии, неприкрытый иррационализм и воинствующая антинаучность» [Мельвиль, 1960: 743–746].

В представленном Фроловым анализе прагматизма Джеймса отмечается, что хотя Джеймс признавал «несостоятельность метафизического метода», он тем не менее «противопоставляет ему не диалектику, а иррационализм». Согласно Фролову, в анализе психики, которую Джеймс рассматривал как «поток сознания», американский философ «подчеркивал роль волевого и эмоционального начал». Фролов указывает, что, «подменяя объективное понятие истины прагматическим принципом полезного действия, соответствия интересам, Джеймс обосновывает право на верования, недоступные доказательству и обоснованию». Тем самым он производит «субъективистское сведение реальности к “чистому опыту”, к сознанию, а его “нейтральный монизм” рассматривает материальное и духовное как два различных аспекта того же “опыта”» [Фролов, 1980: 93].

Более того, Фролов пытается доказать, что «в логике прагматизм идет к иррационализму: в открытой форме — у Джеймса, в замаскированной призывами к созданию “логики научного исследования” — у Дьюи» [Там же: 291]. В посвященной Дьюи статье говорится, что в своей версии прагматизма (инструментализме) «Дьюи тщательно маскирует субъективно-идеалистическую и агностическую сущность своей философии, направленной против материалистической теории отражения» [Там же: 106].

Мельвиль, в свою очередь, обращает внимание на то обстоятельство, что Дьюи «считает науку и научный метод не средствами познания объективного мира, но лишь методом, обеспечивающим успешное поведение человека в мире». Сам Дьюи, по замечанию автора, полагал, что о мире «никакое объективное знание невозможно», и утверждал, что «энергичное вмешательство познающего субъекта в познаваемое явление» служит предварительным условием наших когнитивных усилий, знания о любом явлении. В этом процессе объект познания трансформируется. Прагматизм Дьюи опре-

деляет именно как «учение о том, что реальность обладает практическим характером» [Dewey, 1931: 31]. Однако при этом, констатирует Мельвиль, американский прагматист «смешивает материальную физическую деятельность человека, изменяющую тот объективный предмет, на который он воздействует, с идеальной познавательной деятельностью, в ходе которой человек лишь все глубже отражает различные стороны познаваемого предмета». Таким образом, «Дьюи абсолютизирует активный характер познавательного процесса настолько, что объективно существующий предмет познания утрачивает свою реальность и исчезает; остается только сам волюнтаристически понимаемый “процесс исследования”». В итоге объекты познания существуют только в контексте нашего познавательного усилия и только благодаря познавательному процессу. В этом смысле наши идеи и научные понятия не отражают объективную реальность. Наши научные понятия и теории — «своего рода ящик с инструментами», которые мы можем выбирать и использовать сообразно определенным потребностям и желаниям в каждом конкретном случае [Melvil, 1960: 747–748].

Читателю уже должно быть ясно, что советские философы-марксисты систематически пытались проследить развитие основных прагматистских концепций (Пирса, Джеймса и Дьюи), опираясь в их критике на основные постулаты философского марксизма — на признание познаваемости независимого от человеческого сознания, объективно существующего внешнего мира, в котором разворачивается преобразующая мир общественная деятельность людей. С этой точки зрения важно, что они старались надлежащим образом применить к прагматизму традиционную марксистско-ленинскую критику позитивизма, принимая во внимание политическую значимость соответствующего философского диспута, подобно тому как Ленин поступил в отношении эмпириокритицизма. Это с еще большей очевидностью просматривается в предпринятой советскими философами попытке ответить на философско-политические вызовы прагматизма, обращенные к марксизму. Я буду говорить о них в следующем разделе.

Субъективная практика и объект познания: ответы советского марксизма на философско-политические вызовы со стороны прагматизма

После социалистической революции в России и экономического кризиса 1929–1930 гг. в США и других капиталистических странах некоторые американские интеллектуалы стали относиться к марксизму с большей симпатией. Так как прагматизм Джеймса уже не соот-

ветствовал их целям, его место занял инструментализм Дьюи. Преимущество последнего заключалось в том, что Дьюи попытался объединить два идеала, высоко ценившихся в США: демократию и науку. Он стремился показать, что его учение представляет собой научную философию, в которой нуждается демократическое общество. Исходя из упомянутого выше анализа исторического контекста, в котором возник дьюевский прагматизм, Мельвил приходит к выводу, что ему отводилась роль «главного теоретического оружия врагов марксизма» в США [Melvil, 1960: 750].

Вследствие этого советские марксисты сочли разумным и своевременным всерьез заняться прагматизмом Дьюи (и прагматизмом вообще) — не только по философским, но и по политическим соображениям. Стоит напомнить, что в конце 1930-х гг. Дьюи возглавлял особую Комиссию по расследованию обвинений в контрреволюционной и антисоветской деятельности, выдвинутых против Троцкого (признанного в СССР виновным). Комиссия пыталась защитить осужденного.

Одним из главных объектов критики для советских марксистов стал Сидней Хук — рьяный поборник дьюевской версии прагматизма, прозванный «бульдогом Дьюи». Отталкиваясь от своего марксистского прошлого, Хук вел активную антимарксистскую пропаганду, в ходе которой рассчитывал показать, что прагматизм Дьюи не только спасает истинный дух марксизма, предположительно извращенный Лениным и диалектическим материализмом в теории и на практике, но также действительно продолжает и углубляет то, что было наиболее плодотворного в марксизме. Как прямо заявлял Хук, в прагматизме следует видеть теорию, «развивающую наиболее здравые и продуктивные идеи Маркса о мире» [Hook, 1976: 1]. Кроме того, Хук был одним из членов Комиссии по делу Троцкого. Вполне объяснимо, поэтому, что советские марксисты, занимавшиеся изучением прагматизма, были вынуждены жестко оппонировать Хуку. М. Розенталь и Э. Ильенков характеризовали его как «известного противника марксистско-ленинской философии», критиковали за искажение диалектической логики [Розенталь, Ильенков, 1969: 27]; Фролов обвинял Хука в том, что в своей «экспериментально-натуралистической» прагматистской концепции он соединяет «субъективный идеализм с антимарксизмом и антикоммунизмом» [Фролов, 1980: 291].

Любопытно, что серьезные аргументы — как философские, так и политические — в защиту представления Хука о близости прагматизма марксизму выдвигались также американскими троцкистами. Дж. Новак, к примеру, утверждал, что «самым выдающимся современным мыслителем, впитавшим в себя все лучшее, что было у Маркса, является Дьюи» [Novack, 1975: 273], а Ленина (как практика, а не

теоретика) он считал «скрытым последователем» Дьюи [Ibid.: 296]. Новак был секретарем Американского комитета в защиту Троцкого — того самого, что в 1937 г. инициировал создание упомянутой выше Комиссии под началом Дьюи.

На философском фронте этого широкого идейно-политического противостояния Ильенков доказывал, что прагматистские и инструменталистские концепции логики последовательно развивают неокантианский подход, «сознательно смазывая» различие между объективным определением предмета познания и субъективными стремлениями агента познания. Напротив, в диалектической логике, согласно Ильенкову, «понятие определяется как отражение существенного общего» и обязывает «строжайшим образом различать существенное для субъекта (для его желаний, стремлений, целей и т. д.) и существенное для объективного определения природы предмета, совершенно независимой от субъективных устремлений». В силу этого диалектический материализм противостоит той позиции — которую отстаивают, в том числе прагматисты и инструменталисты, — что «критерий различения между субъективно существенным и существенным с точки зрения самого предмета не может быть ни найден, ни дан». Ильенков обвиняет сторонников этих взглядов в том, что у них «стирается не только грань между субъективным и объективным, но также и граница между стихийно складывающимся представлением и понятием, между эмпирическим и рационально-логическим познанием» [Ильенков, 1960: 26].

Хотя прагматизм подчеркивал роль и значимость практики для познания, советские марксисты указывали на то, что предложенное им понимание практики не соответствует ее марксистским критериям. В прагматизме практика выполняет совсем иную задачу, нежели та, которую приписывает ей марксизм, ведь она оказывается оторвана от внешнего мира и отождествляется с субъективным опытом. Ее роль в познании сводится к интересам, желаниям и потребностям индивидуализированного субъекта; на этом основании прагматизм утверждает, что познание осуществляется субъективно, чтобы служить практическим нуждам индивида. Таким образом, оно остается «закупоренным» в приватном пространстве мыслящего субъекта, лишеного доступа к внешнему миру, к независимой от него объективной реальности.

В марксизме, доказывали советские философы, роль практической деятельности понимается и оценивается совершенно иначе, чем в прагматизме. По словам Ленина, «познание может быть биологически полезным, полезным в практике человека, в сохранении жизни, в сохранении вида, лишь тогда, если оно отражает объективную истину, независимую от человека. Для материалиста “успех” челове-

ской практики доказывает соответствие наших представлений с объективной природой вещей, которые мы воспринимаем. Для солипсиста “успех” есть все то, что мне нужно на практике, которую можно рассматривать отдельно от теории познания. Если включить критерий практики в основу теории познания, то мы неизбежно получаем материализм, — говорит марксист» [Ленин, 1968: 142].

По замечанию Э. Юдина, акцентирование Марксом взаимосвязи («органического единства») чувственно-практической и теоретической форм деятельности «фиксирует преодоление... разрыва теории и практики, характерного для всей предшествующей философии, и выражает более широкую трактовку деятельности как жизнедеятельности, включающей многообразные формы человеческой активности» [Юдин, 1978: 289]. Ильенков, в свою очередь, утверждает, что «практика, понятая материалистически, предстала [в марксизме] как процесс, в движении которого каждый предмет, в него вовлеченный, функционирует (ведет себя) сообразно своим собственным закономерностям, выявляя в происходящих с ним изменениях собственную форму и меру» [Ильенков, 1974: 210].

На этом основании Розенталь и Ильенков заявляют, что «только марксистско-ленинская диалектика способна быть методом научного познания и практической деятельности» [Розенталь, Ильенков, 1969: 24] и что «на этом — ленинском — пути только и может вестись плодотворная работа... по созданию единственной теории научного познания, соответствующей уровню и запросам современного естествознания, общественных наук и общественной практики» [Там же: 35].

При таком понимании процесс познания рассматривается совместно с процессом реальной предметно-практической деятельности. Таков базис марксистского понимания взаимодействия и взаимосвязи между субъектом и объектом познания. Это ни в коей мере не подрывает объективности знания, поскольку «объективность законов и категорий диалектики... раскрывается только в ходе трудного и длительного развития естествознания и техники, общественных наук и социальной практики» [Там же: 25].

Как отмечает В. Лекторский, познание во всех его формах осуществляется в ходе практической деятельности субъекта, включающей в себя материальные предметы. «Производство таких “предметов-посредников”» и их применение «предполагает разрыв с естественным отношением организма к внешней среде и использование таких эталонов, которые имеют социально-культурный (в этом смысле “искусственный”) характер» [Лекторский, 1980: 181].

Процитированные в этом разделе работы составляют лишь малую часть примеров, которые можно было бы привести в подкрепление

тезиса о способности марксизма выстроить собственную, отличную от прагматистской, концепцию практической деятельности и субъект-объектной диалектики в познании. Подобного рода теоретические разработки, которые нуждаются в объективной и непредвзятой оценке, действительно были предложены советскими философами-марксистами.

Вместо заключения

Трудно оспорить тот факт, что развитие прагматизма способствовало лучшему пониманию роли практики в когнитивном процессе, а также осознанию потребности в более адекватном и глубоком исследовании взаимосвязи между субъектом и объектом познания. Важным стимулом к развитию прагматизма послужила потребность дать философский ответ на вызов со стороны науки, поэтому не стоит удивляться тому, что критическое отношение к позитивистским концепциям нарастало параллельно распространению прагматистских идей и доктрин.

В этом контексте советские марксистские философы пытались систематически и всесторонне исследовать идеалистическую (в марксистском понимании) основу прагматизма и ее конкретное выражение в различных прагматистских учениях. Они применяли данную схему интерпретации и к развитию прагматизма. Благодаря их усилиям критическая литература о прагматизме обогатилась новаторскими методами и подходами; однако эта философская перспектива оказалась недооценена — главным образом по причине предвзятости и предубеждения в отношении советского марксизма.

Наконец, нужно заметить, что критическая рефлексия советских философов над прагматизмом способствовала обогащению марксистского понимания практики и субъект-объектной природы познания. Я считаю это одним из аспектов, заслуживающих более пристального внимания со стороны современных исследователей, занимающихся как историей философии в целом, так и историей советской марксистской философии, в частности.

Перевод с английского языка Г. Вдовиной, И. Джохадзе

Литература

Бакрадзе, 1955 — *Бакрадзе К.* Субъективный идеализм — идеология империалистической буржуазии. Критика прагматизма и логического эмпиризма. Тбилиси: Изд-во Академии наук Груз. ССР, 1955.

Богданов, 1906 — *Богданов А.* Эмпириомонизм: Статьи по философии. Кн. 3. М.: Издание С. Дороватовского и А. Чарушникова, 1906.

- Боднар, 1959 — *Боднар Я.* О современной философии в США. М.: Соцэкгиз, 1959.
- Ильенков, 1960 — *Ильенков Э.* Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса. М.: Издательство Академии наук СССР, 1960.
- Ильенков, 1974 — *Ильенков Э.* Диалектическая логика: Очерки истории и теории. М.: Политиздат, 1974.
- Копнин, 1958 — *Копнин П.* Диалектика процесса познания // Основы марксистской философии / Отв. ред. Ф. Константинов. М.: Политиздат, 1958. С. 303–346.
- Курсанов, 1958 — *Курсанов Г.* Гносеология современного прагматизма. М.: Соцэкгиз, 1958.
- Лекторский, 1980 — *Лекторский В.* Субъект, объект, познание. М.: Наука, 1980.
- Ленин, 1968 — *Ленин В.* Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии // Ленин В. Полное собрание сочинений: В 55 т. Т. 18. М.: Изд-во полит. литературы, 1968.
- Лингарт, 1954 — *Лингарт И.* Американский прагматизм. М.: Издательство иностранной литературы, 1954.
- Ляховецкий, Тюхтин, 1967 — *Ляховецкий Л., Тюхтин В.* Основной вопрос философии // Философская энциклопедия / Глав. ред. Ф. Константинов. Т. 4. М.: Советская энциклопедия, 1967. С. 171–172.
- Мельвиль, 1960 — *Мельвиль Ю.* Прагматизм // Краткий очерк истории философии / Под ред. М. Иовчука, Т. Ойзермана, И. Щипанова. М.: Соцэкгиз, 1960. С. 742–750.
- Мельвиль, 1983 — *Melvil Y.* Pragmatism // Philosophical Encyclopedic Dictionary (*Filosofskii entsiklopedicheski slovar'*) / Ed. by L. Il'ichev, P. Fedoseyev, S. Kovalyev, V. Panov. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1983. P. 521–522.
- Митин, 1949 — *Митин М.* «Материализм и эмпириокритицизм» В.И. Ленина и борьба против современной идеалистической реакции // Вопросы философии. 1949. № 1. С. 60–84.
- Нарский, 1961 — *Нарский И.* Современный позитивизм. М.: Издательство Академии наук СССР, 1961.
- Розенталь, Ильенков, 1969 — *Розенталь М., Ильенков Э.* Ленин и актуальные проблемы диалектической логики // Коммунист. 1969. № 12. С. 24–35.
- Розенталь, Юдин, 1954 — Краткий философский словарь / Отв. ред. М. Розенталь, П. Юдин. М.: Политиздат, 1954.
- Спиркин, 1960 — *Спиркин А.* Диалектический материализм // Философская энциклопедия / Глав. ред. Ф. Константинов. Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1960. С. 479–498.
- Фролов, 1980 — Философский словарь / Под ред. И. Фролова. 4-е изд. М.: Политиздат, 1980.
- Юдин, 1978 — *Юдин Э.* Системный подход и принцип деятельности: Методологические проблемы современной науки. М.: Наука, 1978.

Ярошевский, 1951 — *Ярошевский М.* Против позитивизма и прагматизма // Большевик. 1951. № 9. С. 74–79.

Blakeley, 1964 — *Blakeley T.* Soviet Theory of Knowledge. Dordrecht: D. Reidel Publishing Company, 1964.

Dewey, 1931 — *Dewey J.* Philosophy and Civilization. N.Y.: Milton, Balch and Company, 1931.

James, 1907 — *James W.* Pragmatism: A New Name for Some Old Ways of Thinking. N.Y.: Longmans, Green & Co., 1907.

Hook, 1976 — *Hook S.* From Hegel to Marx: Studies in the Intellectual Development of Karl Marx. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1976.

Ilyenkov, 1982 — *Ilyenkov E.* The Dialectics of the Abstract and the Concrete in Marx's Capital / Translated from Russian by S. Syrovatkin. Moscow: Progress Publishers, 1982.

Melvil, 1966 — *Melvil Y.* The Conflict of Science and Religion in Charles Peirce's Philosophy / Translated from Russian by L. Tikos and E. Stawiecki // Transactions of Charles S. Peirce Society. 1966. Vol. 2. № 1. P. 33–50.

Novack, 1975 — *Novack G.* Pragmatism versus Marxism. N.Y.: Pathfinder Press Inc., 1975.

Russell, 1951 — *Russell B.* Dewey's New Logic // The Philosophy of John Dewey / Ed. by A. Schlipp. N.Y.: Tudor Publishing Co., 1951. P. 137–156.

Weiner, 1967 — *Weiner P.* A Soviet Philosopher's View of Peirce's Pragmatism // Transactions of the Charles S. Peirce Society. 1967. Vol. 3. № 1. P. 3–12.